РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. А. Долголюк, М. М. Ефимкин, В. А. Ламин

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИАЛЬНО-ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В XX СТОЛЕТИИ

Ответственный редактор
д-р ист. наук, проф. М. М. Ефимкин

Новосибирск
2005

ББК Т3(2Р53)7
Д 64

Утверждено к печати ученым советом Института истории

Работа выполнена
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 05-01-65100 а/Т)

Рецензенты
д-р ист. наук, проф. *В. И. Исаев*
д-р филос. наук, проф. *Ю. В. Попков*

Долголюк А. А., Ефимкин М. М., Ламин В. А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 297 с.

ISBN 5-94356-293-1

В работе показан процесс становления и развития социально-индустриальной структуры Новосибирской области в XX в., прослежена динамика трансформационных процессов, выявлена их связь с основными этапами отечественной истории.

ISBN 5-94356-293-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Безусловно, своим административно-территориальным рождением Новосибирская область полностью обязана областному центру – г. Новосибирску. Хотя задолго до его возникновения на территории будущей области уже стояли такие «старинные» по сибирским меркам поселения, как Бердск, Легостаево, Верхние Чемы. Уже в конце XVIII в. Кривощековская волость объединяла 37 селений, в которых насчитывалось 636 домов и проживало 4 291 душа обоего пола[1]. Известно, что через территорию будущей Новосибирской области проходил Московско-Сибирский тракт, пересекавший р. Обь и уходивший далее, на Томск. Здесь же, у Чаусского отрога, начинался и тракт на Барнаул. Эта еще слабо мерцающая геополитическая звездочка на сибирской карте превращается в мощного, выражаясь астрономическим языком, «звездного карлика», стягивавшего к себе огромную сибирскую сельскохозяйственную окраину и промышленный центр страны.

Обострявшаяся конкуренция городов за торгово-экономическое первенство, главенство на пространствах Сибири во многом зависела от того, где пройдет трасса железной дороги. С постройкой Сибирской железной дороги старооснованные сибирские города, через которые она прошла, получили новый импульс торгово-экономического развития. Но в наиболее концентрированном виде благотворное воздействие сибирской железнодорожной магистрали проявилось практически, как говорится, на пустом месте. Безвестный поселок мостостроителей, возникший на пересечении железной дороги с р. Обью, беспрецедентно быстро превратился в бурно растущий город. Изначальная основа городского новообразования складывалась под воздействием своеобразного социально-демографического состава первого поколения населения будущего города. Это были люди без больших капиталов, но надеявшиеся сделать их на новом месте за пределами влияния, контроля и острой конкуренции с прочно утвердившимися томскими, омскими, красноярскими, алтайскими торгово-предпринимательскими фирмами. К пункту пересечения водной артерии и железнодорожной магистрали их влекло не столько осознание выгод географического положения будущего города, сколько стремление к свободе, перспективе, самостоятельности, независимости от преуспевающих собратьев по бизнесу.

В отличие от большинства городов Сибири, основанных в период ее первоначального хозяйственного освоения, длительное время совмещавших торгово-ярмарочные и земледельческие функции, Новосибирск (Новониколаевск) миновал эту фазу развития. Его исходная демографическая база сложилась из трех социальных групп, характерных для структур городского типа, – рабочих, инженерно-технической интеллигенции и амби-

ла Маркса развернулось масштабное строительство учебных корпусов и общежитий нового электротехнического института.

В следующем десятилетии масштабы строительства объектов социально-культурного назначения заметно нарастают. В апреле 1960 г. по проекту архитектора А. А. Воловина управление «Сибакадемстрой» начало строительство на Октябрьской площади крупнейшей на востоке России Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. За 6 лет строители возвели оригинальное, масштабное здание, ставшее очень заметным градообразующим объектом. Оно вроде бы и не большой этажности (всего 5 этажей над землей и 4 под землей), однако оформленное со стороны главного фасада мощными пилонами и витражами на всю высоту здания имеет монументальный вид. Строители установили в библиотеке новейшее для того времени оборудование: грузовые лифты, подъемники, конвейеры, световые табло и др.

В эти же годы город обогатился еще несколькими кинотеатрами. По типовому проекту построены кинотеатры «Москва» и «Космос» соответственно в Академгородке и на ул. Б. Хмельницкого. Самый крупный широкоформатный кинотеатр им. В. В. Маяковского на 1 200 мест возведен в центре города. А в 1969 г. на проспекте К. Маркса сооружен еще один широкоформатный кинотеатр – «Аврора». Примерно в это же время появляется еще два крупных здания общественно-культурного и научного назначения – Дом ученых (в Академгородке) и Дворец культуры завода им. Чкалова.

В последующие годы в Новосибирске построено еще множество общественных зданий, перечислить которые не представляется возможным. Однако по своему градообразующему эффекту и значению в жизни горожан выделяются здания цирка, театра «Глобус», дворцы культуры железнодорожников и «Строитель», кинотеатры «Горизонт», «Современник», «Рассвет», здания торгового центра в Академгородке, ЦУМа, ГУМа «Россия», гостиницы «Новосибирск», «Обь», «Сибирь», реконструированные соборы Александра Невского и Вознесенский, стадион «Спартак», дворец спорта «Сибирь», бассейн «Нептун», здания Обкома КПСС, Дома быта, полиграфического комбината «Советская Сибирь», «Монумент славы героев-сибиряков», комплекс Новосибирской областной больницы, Центральный, Октябрьский и Ленинский рынки.

Помимо уже перечисленных объектов, в послевоенные годы в Новосибирске построены сотни библиотек, клубов, магазинов, предприятий общественного питания. В городе создана сеть объектов образования и здравоохранения. Наряду с десятками высших и средних учебных заведений с 1946 по 2000 г. в Новосибирске построены десятки школ почти на 180 тыс. ученических мест, детских учреждений на 80 тыс. мест, больниц на 12 тыс. коек[111].

Стихийную и неорганизованную застройку города малоэтажными домами, начавшуюся в военные годы, не удалось остановить и в послевоенное десятилетие. Государство через промышленные Наркоматы выделило на жилищное строительство в Новосибирске в годы первой послевоенной пятилетки крайне скудные средства. В это время более масштабное возведение жилья шло в европейской части страны, где приходилось восстанавливать разрушенные войной города и поселки.

Тысячи горожан, измученные за предыдущие годы теснотой и необустроенностью, были вынуждены строить индивидуальные дома. Шла активная застройка окраин города поблизости от вновь возникших промышленных предприятий. Как правило, их руководство поддерживало такое строительство, выдавало ссуды, помогало строительными материалами. Городские власти по мере возможности старались организовать торговлю лесоматериалами, стеклом, гвоздями и т. п. Возникали целые поселки, застроенные одноэтажными домами, выполненными из разнородных по материалу стен и покрытий. Они занимали огромные городские территории, очень слабо благоустроенные. В 1950 г. в Новосибирске почти 90 % всей застроенной территории было занято одноэтажными домами. И это строительство продолжалось еще многие годы. Так, за 1951–1955 гг. было возведено 3 270 одноэтажных индивидуальных домов[112].

Очень часто строительство домов шло с использованием методов, идущих еще от древней русской общины. Собиралась артель из родственников, знакомых, соседей и в короткие сроки сооружали чаще всего небольшие домики.

Наряду с малоэтажным строительством постепенно возрождалось многоэтажное – в основном в два-три этажа. Практически все эти дома строились за государственный счет. Так, в Кировском районе в 1946 г. 12 наиболее крупных предприятий должны были построить около 23 тыс. кв. м жилья[113].

Партийные и советские органы города доводили до каждого предприятия план жилищного и социально-культурного строительства за счет их собственных средств, а чаще всего средств, которые им еще нужно было попытаться изыскать в соответствующих министерствах. Естественно, далеко не всегда имелась возможность реализовать замыслы городских властей. Но иного пути в тот период просто не было. Городские бюджеты были ничтожно малы. Более крупные инвестиции можно было получить лишь в Москве.

И в следующем пятилетии отношение руководства страны к жилищному строительству в Новосибирске не претерпело сколько-нибудь существенных изменений. Хотя объемы выделенных государственных средств на эти цели увеличились более чем вдвое, их все же было явно недостаточно, чтобы полностью покончить с кризисным состоянием обеспеченности населения жильем. В 1946–1950 гг. в Новосибирске было построено

около 300 тыс. кв. м жилья, а в следующем пятилетии – приблизительно 550 тыс. кв. м.

В этот период более четко стали проявляться замыслы городских архитекторов, направленные на концентрацию жилых домов на основных улицах, площадях и магистралях. Хотя и медленно, но все же в городе росло количество строящихся многоэтажных домов, в том числе пятиэтажных.

26 апреля 1953 г. газета «Советская Сибирь» сообщала о строительстве в городе 56 многоэтажных домов. В числе крупнейших строек она назвала 150-квартирный дом на Красном проспекте, 183-квартирный дом на Вокзальной площади, 200-квартирный дом в Кировском районе[114].

В первое послевоенное десятилетие в городе построен целый ряд интересных в архитектурном отношении жилых и общественных зданий и комплексов.

Примерами более удачной застройки являются жилые комплексы по ул. Станиславского, на площади Калинина, по ул. Мира, а также жилой район «Красная горка», созданный в 1947–1955 гг. на северо-восточной окраине города. Последний получил признание в советском градостроительстве как пример создания жилого микрорайона. В нем своевременно была создана разветвленная сеть объектов социально-культурной сферы, на высоком уровне находились озеленение и благоустройство. Кварталы имели привлекательный облик, были удобны для проживания.

В целом же в градостроительстве имелась масса проблем. Огромные городские массивы застраивались по-прежнему хаотично, невыразительными домишками. Многоэтажное строительство часто велось по неудачным проектам, не учитывающим климатических условий города. Не лучшим было и их практическое воплощение в жизнь. Крайне ограничен и набор отделочных материалов. Шлакоблочные и многие кирпичные дома покрывались штукатуркой «мокрым» способом, однообразной была побелка таких стен. На сессии Новосибирского горсовета, состоявшейся в июле 1952 г., обсуждался ход жилищного и культурно-бытового строительства. Депутаты отмечали низкое качество построенных зданий, несоблюдение сроков сдачи их в эксплуатацию и ряд других проблем. А основная из них заключалась в том, что для жилищного строительства городу выделялось очень мало средств. К тому же и они из-за недостаточных мощностей строительных организаций, дефицита строительных материалов осваивались не полностью. Так, в 1951–1953 гг. в Новосибирске не использовано более 75 млн р., что не позволило ввести в эксплуатацию 105 тыс. кв. м жилой площади, 4 школы и 12 детских учреждений[115].

К кардинальному решению жилищной проблемы в городе, как и во всей стране, перешли лишь в шестой пятилетке. В 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР». В соответствии с этим постановлением общий

объем капиталовложений, выделенных на сооружение жилых домов и культурно-бытовых зданий увеличивался более чем в два раза. Застройка стала вестись по типовым проектам с использованием индустриальных сборных строительных изделий на свободных периферийных территориях с минимальным сносом существующего жилого фонда.

Сразу же стала нарастать индустриализация жилищного строительства. Поначалу в кирпичных домах применяли сборные железобетонные фундаменты, настилы и балки, балконные плиты, лестничные марши и площадки. Затем стали выкладывать стены из бетонных блоков и начали организовывать производство стеновых панелей. Уже в середине 1950-х гг. новосибирские строительные тресты все шире используют индустриальные методы при возведении жилых домов. Так, в 1956 г. строительный трест № 30 построил на ул. Колыванской 4-этажный жилой дом, сборность которого составила 85 %. Это был первый крупноблочный дом, построенный в Новосибирске.

Темпы индустриализации сдерживались большим количеством применяемых типовых проектов. Возведение в городе многоэтажных жилых домов осуществлялось по десяткам проектов. Поэтому был взят курс на их значительное сокращение. При этом ставилась задача начать проектирование и в ближайшие сроки освоить сооружение крупнопанельных домов.

Методы полносборного строительства с применением крупных панелей стали применяться в городе с 1959 г. На стендах завода ЖБИ-6 были изготовлены детали для первого крупнопанельного пятиэтажного 80-квартирного дома. Он был возведен в 1960 г. на улице Космической (дом № 12/1) бригадой строителей под руководством Л. К. Путренкова.

Вслед за заводом ЖБИ-6, который в 1962 г. был преобразован в домостроительный комбинат (ДСК-1), Управление «Сибакадемстрой» организовало завод под выпуск домов серии 1–464.

Крупнопанельное домостроение набирало темпы стремительно. Уже в 1961 г. было сдано в эксплуатацию 54 новых 80-квартирных панельных домов. Их жилая площадь составляла пятую часть от общей площади, сданной в эксплуатацию в этом году. А уже вскоре эта доля превышала половину и с каждым годом продолжала нарастать.

В жилищном строительстве происходил переход от квартальной планировки к созданию новых микрорайонов, или, как их стали называть горожане, жилых массивов. Началось формирование «Затулинского», «Волочаевского», «Кропоткинского» жилмассивов, микрорайонов «Ботанический сад», «Северный» и др., застроенных в основном 5-этажными типовыми домами. Такая этажность в 1950–1960-е гг. считалась наиболее оптимальной. Применялись серии типовых проектов 1-467, 1-468Н, 1-464Д и др.

Развитию жилищного строительства способствовала и перестройка управления промышленностью и строительством, произошедшая в 1957 г. Оно

теперь организовывалось по территориальному принципу, что позволяло учитывать и реализовывать местные интересы. В Новосибирской области организовано единое территориальное строительное управление, подчиненное совнархозу. Но особенно важным было то обстоятельство, что все средства на жилищное и гражданское строительство сосредотачивались у единого заказчика – в городском Совете. Проведенная вскоре специализация строительных организаций, в том числе создание трестов, ведущих лишь жилищно-гражданское строительство, также способствовала наращиванию темпов ввода жилья, его лучшему инженерному обеспечению и благоустройству, комплексной застройке отдельных микрорайонов.

В это же время увеличиваются масштабы строительно-монтажных работ, осуществлявшихся хозспособом. При всех крупных заводах и фабриках создавались отделы капитального строительства и специальные участки. Одной из основных их функций стало возведение жилых домов методом народной стройки.

С ростом в шестой пятилетке (1956–1960 гг.) ввода жилья за государственный счет население стало постепенно утрачивать интерес к сооружению собственных индивидуальных домов. И эта тенденция в последующие годы четко прослеживалась. Так, в 1960 г. в Новосибирске горожанам за свой счет введено 92 тыс. кв. м общей площади, за седьмую пятилетку (1961–1965 гг.) – 147 тыс. кв. м, за восьмую пятилетку – 18 тыс. кв. м, девятую – 14 тыс. кв. м и за десятую (1976–1980 гг.) – 10 тыс. кв. м[116].

На смену индивидуальному строительству жилья пришло кооперативное. Начало ему положило специальное решение сессии городского Совета, состоявшегося в декабре 1961 г. Кооперативное строительство должно было вестись за счет средств трудящихся с помощью государственного кредита. Первый взнос, составляющий 10 % от общей стоимости квартиры, член кооператива выплачивал при вступлении в него. 30 % вносились при заселении. Остальная сумма выплачивалась в течение 15 лет.

Первые 10 лет интерес населения к жилищной кооперации постоянно нарастал. В седьмой пятилетке было введено 248 тыс. кв. м общей площади, в восьмой пятилетке этот объем увеличен вдвое – 505 тыс. кв. м. В дальнейшем такого масштабного строительства жилищные кооперативы в Новосибирске не вели. В девятой пятилетке введено 308 тыс. кв. м, в десятой – 197 тыс. кв. м, в одиннадцатой – 275 тыс. кв. м общей жилой площади[117].

Примерно 30 лет массовая жилая застройка Новосибирска осуществлялась преимущественно панельными зданиями. На внешний облик города оказывали влияние индустриально-строительный диктат, массовая типизация и, как следствие, стилистическая однородность в архитектуре. К общественному мнению в данном вопросе власти не очень-то прислушивались.

Для них долгое время главными показателями выступали объемы жилищного и социально-культурного строительства.

Усилия архитекторов по улучшению эстетического вида новых зданий, совершенствованию их наружной и внутренней отделки нивелировались однотипными индустриальными элементами и деталями, ограниченной номенклатурой отделочных материалов и жесткими технологическими требованиями строителей.

И все-таки уже со второй половины 1960-х гг. в Новосибирске осуществляется переход на улучшенные типовые проекты с более удобными квартирами. Совмещенные санитарные узлы стали заменяться раздельными, сократилось количество проходных комнат, расширялись передние, укрупнялись кухни, здания оборудовались лифтами, мусоропроводами и другими видами благоустройства.

Уже в годы девятой пятилетки более половины строящихся домов были зданиями нового поколения типовых серий (85, 86, 111-90, 111-97 и др.) повышенной этажности. Новые жилмассивы, такие как «Челюскинский», «Снегири», «Волочаевский», «Фрунзенский», «Западный» и «Юго-Западный», застраивались 9–12-этажными домами более выразительной архитектуры и повышенным благоустройством. Некоторое разнообразие во внешний облик микрорайонов внесли дома из монолитного железобетона. Вновь увеличился объем кирпичного строительства, в том числе с облицовкой зданий плитками. Кирпичные дома переменной этажности особенно хорошо вписывались в кварталы, расположенные на участках со сложным рельефом, как это было в микрорайоне по ул. Шевченко.

Большие недостатки имелись в качестве застройки жилых зданий. Со временем все прочнее укреплялась практика ввода жилых домов с недоделками. Особенно низким был уровень внешнего благоустройства зданий и прилегающих территорий, сдаваемых в эксплуатацию в зимние месяцы.

По завершению девятой пятилетки, на начало 1976 г. в Новосибирске оставалось 180 зданий с невыполненным или незавершенным благоустройством, в том числе 65 с незаконченной отделкой фасадов. В течение многих лет ДСК-1, тресты Новосибирскжилстрой-1 и Новосибирскжилстрой-2 не смогли закончить благоустройство у домов Юго-Западного, Гусинобродского, Волочаевского жилмассивов, по ул. Олеко Дундича, Кирова, Линейной. Одной из причин этого была неритмичность сдачи объектов, ввод их только в конце года, зимой, когда благоустроительные работы вести невозможно[118].

Все эти факты свидетельствовали о том, что вслед за руководством страны, областные и городские власти с середины 1970-х гг. также ослабили внимание к решению жилищной проблемы. Наглядным свидетельством

этому является динамика ввода в действие общей жилой площади с 1946 по 2000 г. по пятилетиям. Она выглядит следующим образом (в тыс. кв. м):

1946–1950 гг.	– 550	1976–1980 гг.	– 2 460
1951–1955 гг.	– 300	1981–1985 гг.	– 2 370
1956–1960 гг.	– 2 000	1986–1990 гг.	– 2 580
1961–1965 гг.	– 2 670	1991–1995 гг.	– 1 710
1966–1970 гг.	– 2 620	1996–2000 гг.	– 1 400
1971–1975 гг.	– 2 970		

Приведенные данные показывают, что в период 1957–1960 гг., когда жилищное строительство находилось в центре социально-экономической политики КПСС и советского правительства как в целом по стране, так и в Новосибирске, очень резко увеличились масштабы ввода жилья в эксплуатацию. Рост продолжался еще и в следующем пятилетии. К сожалению, показатели ввода жилья, достигнутые в 1961–1965 гг. в последующем были превышены лишь один раз – в годы 9-ой пятилетки (1971–1975 гг.), когда было построено около 3 млн кв. м. В последующие годы объемы жилищного строительства сокращались и особенно резко в последнее десятилетие XX в. В 1991–1995 гг. было сдано жилья в полтора раза меньше, чем в предыдущей пятилетке, а в 1996–2000 гг. объемы ввода жилья сократились еще в 1,2 раза. Всего же с 1946 по 2000 г. в Новосибирске построено более 21 млн кв. м общей жилой площади. Жилой фонд города к 2000 г. вырос до 25 млн кв. м, а в целом в Новосибирской области – до 44 млн кв. м[119].

Такие объемы жилищного строительства позволяли с каждым новым пятилетием повышать обеспеченность населения жильем. В областном центре она с 2 кв. м на одного человека в 1945 г. выросла до санитарной нормы в 8 кв. м к началу 1970-х гг.

Не смотря на несомненные успехи в решении жилищной проблемы, она по-прежнему оставалась острой. При этом начиная с середины 1970-х гг. в Новосибирске наметилась неблагоприятная тенденция недовыполнения пятилетних планов ввода жилья в действие. При этом степень выполнения плановых заданий с каждым новым пятилетием становилась все ниже. Так в 9-й пятилетке план жилищного строительства был выполнен полностью (102 %), в 10-й пятилетке – на 92 %, в 11-й – на 87 %, а в 12-й пятилетке, когда был провозглашен курс на обеспечение каждой семьи отдельной квартирой, план был выполнен всего лишь на 85 %[120].

Это означало, что за пятнадцать лет город и горожане недополучили 1 млн кв. м площади. А потребность в ней оставалась высокой. Пленум Новосибирского горкома КПСС, состоявшийся 8 декабря 1987 г. констатировал: «В городе на очереди на улучшение жилищных условий стоят

около 110 тыс. семей, более 8 тыс. живут в ветхом государственном фонде. И при таком положении планы ввода жилья в городе систематически срывались»[121].

В военные и первые послевоенные годы Новосибирск застраивался преимущественно одноэтажными домами из любых имеющихся в наличии строительных материалов. Строительство часто велось поблизости от вновь создаваемых промышленных предприятий вопреки генеральным планам развития города. Характерной чертой всех возникших поселков, улиц и кварталов было отставание их в инженерном оборудовании, обеспечении водой, электроэнергией, связью. Были проблемы с отоплением домов и развитием транспортных коммуникаций. Многие территории требовали санитарной очистки, мелиорации, озеленения. Благоустройство города очень сильно отставало от его градостроительного развития.

С октября 1943 г. в городе действовало Управление благоустройства и коммунальных предприятий. Однако дефицит средств в местном бюджете не позволял вести благоустроительные работы хотя бы на уровне минимальных потребностей города. Так, составленный на 1946 г. план по асфальтированию и мощению дорог и постройки тротуаров не выполнялся. Ни денежных средств, ни асфальта не хватало даже для того, чтобы устроить твердое покрытие на центральных улицах города.

В послевоенном Новосибирске площадь, занятая зелеными насаждениями, составляла лишь пятую часть от нормативной. Чтобы в течение пятилетки выправить положение, требовалось ежегодно высаживать более полумиллиона деревьев и кустарников. Гортрест имел возможность высаживать в год немногим более 200 тыс. саженцев.

В решении проблем благоустройства вновь помогал энтузиазм и патриотизм новосибирцев. Так, весной 1948 г. труженики Металлургического завода им. Кузьмина выступили с инициативой отработать в весенне-летний период по 20 часов на благоустройстве района. Этот почин был одобрен сессией горсовета и вскоре подхвачен работниками других предприятий и учреждений, жителями города. На этом массовые акции по наведению порядка не закончились. Самостоятельные мероприятия проводили профсоюзные комитеты предприятий, уличные комитеты. А 24 октября в городе был проведен комсомольско-молодежный воскресник, посвященный 30-летию ВЛКСМ. На него вышло 16 тыс. молодых новосибирцев, для того чтобы привести в порядок водоводы и отопительные магистрали города[122].

И все-таки в послевоенный период Новосибирск серьезно отставал по уровню благоустройства от крупных городов России. Так, в 1948 г. количество замощенных улиц в Новосибирске составляло 18, в Горьком – 42, в Свердловске 82 %[123].

Городское население сибирских городов за годы войны увеличилось, но в целом к концу 1945 г. общая численность населения Сибири уменьшилась. Сразу с окончанием войны была возрождена практика целенаправленного воздействия на обеспечение роста численности населения Сибири. Промышленность Сибири в первое послевоенное десятилетие являлась одной из основных базовых опор восстановительных процессов экономики на территориях, освобожденных от немецкой оккупации. Этой новой ролью Сибири определялась практика реэвакуации промышленных предприятий и их трудовых коллективов. Последние по кадровому составу рабочих обратились в значительной мере в сибирские, поскольку формировались в годы войны из местной городской и сельской молодежи, трудомобилизованных с большой долей женщин. Было ясно, что возвращение эвакуированных предприятий по месту прежнего размещения на длительное время выключит их из производственного процесса. Поэтому большая их часть в том или ином виде осталась в сибирских городах.

С окончанием войны и спадом крайнего напряжения усилий чрезвычайные формы и методы максимального извлечения трудовых ресурсов из составляющих демографического потенциала не могли быть морально оправданы и продолжены без серьезной их коррекции. Да и в практическом, житейском плане их продолжение было невозможным, во всяком случае не настолько эффективным, чтобы, как говорится, игра стоила свеч. Под переходом, как тогда выражались, на рельсы мирного развития, обычно подразумеваются конверсионные процессы в экономике, в производственной, промышленной сфере. Однако, если не в первую, то, в любом случае, не в последнюю очередь на так называемые рельсы мирного развития совершенно естественно стремилось перейти и возвращалось население. Люди, жившие и трудившиеся во имя победы в войне, теперь вправе были получить возможность устраивать свой семейный очаг.

О несовместимости экстраординарных решений военного периода с естественными демографическими процессами свидетельствовали многообразные реалии: отток из производственной сферы женщин-матерей, трудомобилизованных, пенсионеров, несовершеннолетних, молодых людей, ориентированных на приобретение среднего специального и высшего образования и, в конечном счете, общее истощение местных ресурсов рабочей силы. Демобилизация армии возвращала в Сибирь лишь ничтожную часть изъятой в годы войны массы мужского населения. Фактически демобилизованные фронтовики не возмещали очередной убыли мужского населения Сибири, призванного в послевоенные годы в вооруженные силы.

Мужская молодежь 1927 и следующих годов рождения, призванная в 1946–1948 гг. на действительную службу в послевоенную Советскую армию, оказалась надолго законсервированной солдатским мундиром. Первые поколения послевоенных призывников в Советскую армию оказа-

лись вынужденными находиться под ружьем дополнительно два-три года сверх действовавших сроков срочной службы.

Показатели брачности, по сравнению с годами войны, заметно повысились. Однако и в этой сфере проявлялись последствия войны. Остатки мужского населения в диапазоне активных возрастов (до середины 1920-х годов рождения), вернувшегося живыми с войны, оказались слишком малы, чтобы на длительное время восполнить ущемленный за годы войны процесс детородности.

С окончанием Второй мировой войны страны-победительницы и затем – побежденные вступили в процесс так называемого компенсационного подъема рождаемости. В отличие от аналогичной ситуации после Первой мировой войны на этот раз компенсационный рост рождаемости продолжался нестандартно долго. Особенно выразительные хронологические и количественные параметры компенсационного роста рождаемости наблюдались в США, прошедших через войну с наименьшими потерями демографического потенциала. Принято считать, что послевоенный компенсационный рост рождаемости в США, получивший название бэйби-бума, продолжался с 1946 до середины 1960-х гг. В период 1946–1964 гг. в США ежегодно регистрировалось от 3,4 млн до 4,3 млн рождений. В итоге за 18 лет бэйби-бума население США увеличилось примерно на 75 млн человек. Феномен американского бэйби-бума определялся широким спектром многообразных факторов: от морально-психологических до социально-экономических. Не принижая бесспорно важного значения высокого морально-психологического настроя общественного сознания нации, победившей в жестокой войне, правомерно и справедливо будет констатировать, что феномен американского бэйби-бума был опосредованным результатом экономического развития США. Во время войны США являлись своеобразным военно-экономическим арсеналом. В послевоенный период экономика США прибавила обороты за счет рынка не только государств-агрессоров, но и союзных стран-победительниц. Послевоенный экономический бум был благодатной почвой для бэйби-бума. Достаточно большое количество высокооплачиваемых рабочих мест освободило людей от стресса едва закончившейся в предвоенные годы Великой Депрессии. Военный и послевоенный экономический прогресс в США совпал по времени со вступлением в репродуктивный возраст женщин и мужчин предыдущего компенсационного подъема рождаемости, наблюдавшегося в 1920-е гг. после окончания Первой мировой войны.

Динамика послевоенного экономического развития США вселяла уверенность в завтрашнем дне, в будущее и, более того, реально проявлялась в быстром повышении уровня жизни массовых слоев населения. Под воздействием не бывалого ранее, во всяком случае, не доступного прежде для подавляющего большинства населения высокого уровня доходов весьма быстро сложился новый стандарт жизни. Весьма приличная зара-

ботная плата позволила одному работающему прокормить, одеть и обуть 3–4-х детей, получить кредит на приобретение дома в пригородной зоне. Высокая заработная плата и уверенность в завтрашнем дне воздействовали также на снижение возраста брачующихся, сокращение времени первого деторождения и паузы между последующими. Высокая реальная заработная плата стимулировала молодых людей к более раннему вступлению в брак, обеспечивала уверенность в прочном материальном обустройстве семейного образа жизни. Высокий материальный достаток всегда является благодатной почвой для консерватизма. В послевоенных США он весьма четко проявился в идеале американской семьи. Модные в довоенные годы рассуждения о перспективе эмансипации женщины, о карьерной женщине-труженице, на равных с мужчиной участвующей в общественном производстве, отошли в прошлое. Послевоенный так называемый средний американец олицетворял прекрасную половину общества в образе женщины-матери, женщины-домохозяйки, хранительницы семейного очага.

Бурному росту рождаемости в США в послевоенный период благоприятствовали практически все составляющие социально-экономического развития страны. Несомненно, важное значение имел и тот факт, что в сравнении с другими странами-участницами Второй мировой войны США пришли к победе с ничтожными потерями демографического потенциала и не затронутыми разрушениями материальными ресурсами. Скорее наоборот, последние за годы войны наращивались с беспрецедентной стремительностью и динамичностью.

Главная тяжесть людских потерь и разрушительных последствий в сфере материального производства выпали на долю Советского Союза. Из большого числа многообразных факторов и условий, стимулировавших и реально облегчавших рост рождаемости в США, в российской послевоенной действительности присутствовал, пожалуй, только один – морально-психологический. Победа в войне окрыляла надеждой на лучшую жизнь. И хотя было ясно, что до этой лучшей жизни путь неблизкий, в России, как и в других странах, вышедших из войны, сработал механизм компенсационного роста рождаемости.

Увеличение уровня рождаемости как тенденция обнаружилось уже в последний год войны. В 1944 г. произошло 2374,2 тыс. рождений, на 122,3 тыс. больше, чем в самом низком по рождаемости 1943 году. В 1945 г. число рождений выросло до 2727,7 тысяч.

В результате демобилизации армии, перевода ее на штатную численность мирного времени от солдатского мундира к сентябрю 1946 г. освободилось около 7 млн мужчин. И затем до конца 1947 г. – еще примерно 1,5 млн человек. В итоге процесс компенсационного роста рождаемости приобрел параметры, сопоставимые с рождаемостью наиболее благополучных предвоенных лет. В 1946 г. родилось 4037,9 тыс. чел., в 1948 г. –

4840,9 тысяч. В 1949 г. уровень рождаемости вышел на высшую отметку – 31 родившийся на 1 000 женщин детородного возраста. В последующие пять лет уровень рождаемости. постоянно снижался, но составлял более 26 рождений на 1 000 женщин. В итоге к середине 1950-х гг. была восстановлена довоенная численность населения СССР. За период 1948–1954 гг. прирост абсолютной численности населения СССР составил 17,924 тыс. чел., по другим данным, более близким к официальной статистике, прирост составил 18,200 тыс. человек. В следующее пятилетие 1955–1959 гг. процесс снижения уровня рождаемости складывался с нарастающим ускорением.

Причин для снижения рождаемости было много. И каждая из них имела самостоятельное значение. Но главные заключались, вероятно, в следующем. «Залповая» рождаемость первых послевоенных лет была напрямую связана с демобилизацией армии, почти восстановившимся балансом женского и мужского населения, высокой степенью брачности и, соответственно, реализацией отложенных в годы войны и объективно невозможных рождений. Этот ресурс рождаемости работал в продолжение четырех-пяти лет, но к началу 1950-х гг. явно обозначились признаки его исчерпания. Медленное, но неуклонное снижение рождаемости после 1949 г. можно объяснить постепенным угасанием эйфории от победоносного окончания войны и надежд на радикальное улучшение материальных условий жизни. Высокая рождаемость и детность в жилищах барачного типа, в перенаселенных коммунальных квартирах, с заработной платой «от получки до получки», в условиях постоянного дефицита продуктов питания, промышленных товаров и прочего тотального дискомфорта не имела шансов на значительную продолжительность.

Материальные составляющие, конечно, улучшались, но столь медленно и с таким запозданием, отставанием от семейных потребностей, что в результате высокая рождаемость и детность невольно клонились к падению. Выражаясь современной лексикой, так называемая адресная социальная помощь в виде единовременных и ежегодных денежных пособий семьям, имеющим шесть и более детей, была больше символической, чем материальной. Учрежденные в 1944 г. награды – мать-героиня, ордена и медали материнской славы, разумеется, были еще дальше от материальных потребностей многодетных семей. В отличие от американского бэйби-бума, компенсационный подъем рождаемости в СССР оказался без необходимого материального обеспечения. Достаточно, по-видимому, сказать, что жилищные условия – основная составляющая семейного быта – в послевоенном СССР, несмотря на начинания в области жилищного строительства, до конца 1950-х гг. оставались на уровне 1926 г. В среднем на одного городского жителя приходилось менее 4 кв. м общей жилой площади. Экономический потенциал страны, ориентированный, главным образом, на производство средств производства, оказался крайне неприспособленным к расширенному воспроизводству народонаселения – основы развития про-

изводительных сил. В итоге продолжение компенсационного послевоенного подъема рождаемости по аналогии с американским бэйби-бумом оказалось весьма проблематичным и практически невозможным. Спад рождаемости диктовался самой жизнью и становился объективной неизбежностью.

На снижение рождаемости, несомненно, воздействовали серьезные положительные сдвиги в медицинском обеспечении материнства. Государственный патернализм материнства, оказавшийся экономически несостоятельным для того, чтобы пролонгировать высокую послевоенную рождаемость существенным повышением доходов семейного бюджета, обратился к медицинским, здравоохранительным средствам разрешения проблемы роста демографического потенциала. В результате форсированного развития медицинских и здравоохранительных структур детская смертность в период 1947–1953 гг. снизилась больше, чем вдвое, примерно, в такой же пропорции – на 46 % снизилась общая смертность населения. Успехи в области сокращения детской смертности и по-прежнему весьма невысокий уровень семейного достатка работали в одном направлении, их равнодействующая снижала уровень рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости в 1953 г. возвратился на уровень 1948 г. – 2,8 рождения на одну женщину. В отличие от СССР в США этот показатель в 1957 г. составлял 3,1 рождения на одну женщину и только в 1977 г. снизился до 1,7 рождения.

Послевоенный компенсационный подъем рождаемости в СССР отличался от американского бэйби-бума не только более короткой продолжительностью и суммарным коэффициентом рождаемости. Не менее важное и далеко не позитивное отличие заключалось в качественных характеристиках рождаемости. Производительная база рождаемости и в целом масса рождений, справедливо будет сказать, была ущербной. Значительные контингенты физически наиболее здоровых мужчин пали смертью храбрых на полях сражений. При этом наибольшие потери пришлись на поколения мужчин 1921–1925 годов рождения – 4,2 млн человек. Селекция войной не обошла стороной и женщин этих же годов рождения, за время войны их потери составили 1,4 млн человек. Оставшимся в живых на фронте и в тылу победоносная война, конечно, не прибавила здоровья. Послевоенный рацион и объем питания подавляющей массы населения мало отличался в лучшую сторону от времени войны. Неурожай 1947 г. еще больше усугубил и без того крайне бедную продовольственную базу населения. Счастливое детство для младенцев, появившихся на свет во второй половине 1940-х гг., и семейное счастье для их молодых родителей начиналось с полуголодного существования. Это поколение по объективным физиологическим основаниям, несмотря на многочисленность, по определению, не могло быть жизнестойким и долго живущим. В сегодняшней высокой смертности именно они составляют главную величину ее роста. Как говорится, от худого семени не бывает доброго племени.

В производственной сфере, в первую очередь в промышленности и строительстве, образовалась ситуация глубокого дефицита рабочей силы.

Восстановление демографического потенциала до абсолютных параметров предвоенных лет и возвращение его в режим устойчивого развития в основном завершилось к середине 1950-х гг. При этом наряду с повысившейся во второй половине 1950-х гг. нормой естественного прироста численности населения получила продолжение и развитие практика организованной «накачки» Сибири миграционными потоками.

Таким образом, исторически формирование населения Азиатской России происходило под сильным влиянием целого цикла волн миграционного перемещения населения с европейской территории в азиатскую часть, в нашем случае за Урал. Все это в совокупности с воспроизводством населения как режимом замещения поколений в населении и семье способствовало росту общей численности жителей азиатских просторов России, мало пригодных для нормальной жизни людей, перемещавшихся сюда из других природно-климатических зон. Это подтверждается количественными показателями процесса (табл. 1).

Давно уже общим местом стали рассуждения о том, что восточные районы России (СССР) – это ее основная территория, где сосредоточено свыше трети мировых природных ресурсов, с чем связывались надежды почти трехсотмиллионного советского народа, численно сократившегося к XXI в. практически наполовину. Именно для XX в. характерны по крайней мере четыре периода массового переселения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, о чем упоминалось выше. В начале века важное значение имело переселенческое движение, принявшее особенно широкий размах с установлением регулярного сообщения по Транссибирской железной дороге. Следующий период связан с индустриализацией страны. В 1928–1940 гг. бурно развивающаяся индустрия Востока России черпала дополнительную рабочую силу не только из своего села, но и из других районов страны. Третий период массового перемещения людей на азиатские пространства России происходил в суровые годы Великой Отечественной войны и был связан с перебазированием большого количества промышленных предприятий в восточные районы (см. гл. 2, 3), совмещаясь с эвакуацией населения. А с 1950-х гг. начинается четвертый период интенсивного заселения данных территорий, в первооснове которого лежало освоение целинных и залежных земель, ускоренное бурным энергетическим освоением края, заложившим основу дальнейшего интенсивного индустриального освоения.

Тем самым неуклонно осуществлялась приоритетная парадигма государства, направленная на *сдвиг производительных сил на восток*. Несмотря на то, что все хозяйственные программы на востоке страны в конечном итоге были подчинены выкачиванию колоссальных объемов сырья и энергии, они объективно способствовали привлечению сюда населения на многочисленные

Таблица 1

Динамика и прогноз численности населения России и ее восточных регионов в 1897–2010 гг. (млн чел.)

Регион	Год												
	1897	1917	1926	1937	1940	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2002	2010
Российская Федерация (Россия)	67,5	91,0	92,7	103,9	110,0	117,5	130,0	137,6	147,4	148,0	145,9	145,7	≈140,0
Восточные районы	13,3	21,7	23,1	27,5	30,9	40,1	44,3	47,1	52,4	52,1	51,5	51,0	≈51,2
Их удельный вес в населении России (%)	19,7	23,8	24,9	26,5	28,0	34,2	34,1	34,2	35,5	35,1	35,4	35,0	≈35,0
Уральский р-н	6,8	10,7	10,8	12,4	13,8	17,5	19,0	19,4	20,3	20,5	20,1	20,0	≈20,0
Сибирский р-н	5,3	9,7	10,7	12,5	14,0	17,8	19,5	20,9	24,2	24,4	23,9	23,7	≈23,7
Западно-Сибирский р-н	3,6	6,7	7,4	8,4	9,1	11,3	12,1	12,7	15,0	15,1	15,0	15,0	≈14,9
Восточно-Сибирский р-н	1,7	3,0	3,3	4,1	4,9	6,5	7,4	8,2	9,2	9,1	8,9	8,8	≈8,8
Дальневосточный р-н	1,2	1,3	1,6	2,6	3,1	4,8	6,0	6,8	7,9	7,6	7,5	7,3	≈7,5

рабочие места. Особенно это было характерно для Сибири и Дальнего Востока в 1960–1980-е гг. прошлого столетия. Здесь резко возросли масштабы миграционного движения в районах нового освоения. В нефтегазодобывающих регионах в миграционный оборот только за 1966–1990 гг. было вовлечено свыше 9 млн чел., а через все административно-хозяйственные и производственные структуры строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в первые годы «оборачивалось» около 2 млн человек[2]. Если стабильный Урал со сложившейся индустриальной структурой производства в те годы увеличил свое население примерно на 2,8 млн, то Сибирь – на 6,9 млн, а Дальний Восток – на 3,1 млн чел. А в целом население восточных районов выросло за эти годы на 12,3 млн жителей и составило 35,5 % от общей численности россиян (табл. 2)[3].

В дальнейшем демографическая ситуация в России начинает меняться и, в первую очередь, под влиянием смены общественных отношений в государстве, повлекших за собой и существенные изменения геополитического положения страны и ее отдельных регионов. К прежним рассуждениям о геоэкономической важности Востока России прибавляется его геополитическая функция как основного феномена современной России, очерченного территорией в 15 млн кв. км, на которой проживает в среднем четыре с половиной человека на один кв. км. Это «планетарно значимая территория», являющаяся ее геополитическим базисом в Евразии и тот, кто владеет данной территорией и ее богатствами, тот господствует в России и над Россией и даже в Евразии, являясь одним из мировых центров силы на планете. Подобные теоретические упражнения пусты сегодня и по форме и по содержанию, отражают генетически укоренившиеся имперские и мессианские замашки. В стране, где произошла кардинальная смена региональной парадигмы с государственного «сдвига производительных сил на восток» к «саморазвитию данных регионов», «подкрепленной» политикой «далекого московского владения», которое используется в интересах московского центра, говорить об этом, по меньшей мере, наивно.

Веками существует и углубляется, сегодня особенно, традиционно непреодолимый контраст между природными богатствами Сибири и унизительным убожеством повседневной жизни основной части народа. Так что «бедна богатая Сибирь». Правы те исследователи, которые пишут о том, что все эти великодержавно-мессианские разговоры не более чем патологическое лицемерие[4]. Национальным позором назвал демографическую ситуацию в России конца XX в. академик В. А. Коптюг, отказавшийся (во многом по этой причине) войти в состав разработчиков национальной концепции устойчивого развития. Демографическая ситуация в России и ее азиатском макрорегионе в связи с идущим в стране процессом депопуляции населения заслуживает подобной оценки. В 1992 г. впервые было

Таблица 2

Динамика численности населения России и ее восточных районов в 1959–2002 гг.

Регион	Год											
	1959		1970		1979		1989		1995		2002	
	млн чел.	%	млн чел.	% к 1959	млн чел.	% к 1970	млн чел.	% к 1979	млн чел.	% к 1989	млн чел.	% к 1995
РСФСР (РФ)	117,5	100,0	129,9	110,5	137,6	105,8	147,4	107,2	148,0	100,4	145,7	98,4
Восточные районы	40,1	100,0	44,3	110,2	47,1	106,1	52,4	111,3	52,1	99,4	50,0	96,0
Их удельный вес в населении России		34,2		34,1		34,2		35,5		35,1		34,3

зарегистрировано снижение численности населения, несмотря на увеличивающийся поток мигрантов в Россию. За 1990–2002 гг. их количество составило не менее 6 млн чел. При всем этом общее количество россиян уменьшилось почти на 3 млн чел. Сокращается и численность жителей восточных регионов. Здесь появились крупные административно-территориальные образования, для которых характерен постоянный отток населения: Алтайский, Красноярский и Хабаровский края, Республики Тыва и Саха (Якутия), Свердловская, Читинская, Камчатская и Магаданская области, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.

Сложившуюся ситуацию в России и в восточных районах ученые и практики объясняют по-разному. Одни считают данный процесс проявлением или эхом военных лет, другие добавляют к этому известные трудности, переживаемые нашим обществом, третьи вообще не видят большой беды в сокращении, а точнее сказать в вымирании населения. Они ссылаются на то, что идет процесс ликвидации рабочих мест и естественная убыль населения России может быть перекрыта за счет переселенцев (беженцев) из других республик бывшего СССР[5]. Однако этого не происходит (см. табл. 2). Мы уже неоднократно на примере реальной российской действительности писали о том, что в данной сфере общественной жизни действует комплекс причин, стержнем которого стало демографическое невежество властных кругов, всеми способами решающих задачу системных изменений, находясь, по сути, в состоянии необъявленной войны с собственным народом.

Эта в свое время казавшаяся слишком категоричной оценка, подтверждена более чем десятилетним демографическим процессом. Ссылки апологетов ельцинской администрации на особую инерционность демографических процессов (эхо Великой Отечественной войны) и надежды на рост уровня рождаемости во второй половине 1990-х гг. оказались явно несостоятельными. Это было неприкрытое лицемерие оправдывающейся власти, поскольку уже происходил процесс вымирания лиц трудоспособного возраста, основной базы будущих возможных поколений (деторождение). В начале 1990-х гг. по республике они составляли среди умерших почти четверть, по Западной Сибири – около 30 %, по Восточной Сибири – треть, а по Дальнему Востоку и Уралу – 36 %. «Демократы у власти» с гневным энтузиазмом вещают у радио- и телевизионных микрофонов о «людоедах-большевиках», уничтоживших несметное количество своих сограждан за годы Советской власти, запуская в общественное сознание народа фантасмагорические цифры. Но что интересно: ни один из них не сказал и не скажет о том, что в годы их правления 1 150 человек из каждых 100 тыс. населения уходят из жизни преждевременной смертью, в то время как в 1930-е гг., при большевиках, данный показатель составлял 890 человек[6]. Да и не могло быть иначе. В заявлении правительства Российской Федера-

ции на Европейской конференции по народонаселению в Женеве в 1993 г. прямо было сказано: «Правительство страны озабочено таким положением, однако специальных мероприятий по его улучшению в последние годы не предпринималось»[7].

В населении России происходят как количественные, так и составные (структурные) изменения, определяющие его весьма нерадостное настоящее и далеко не радужные перспективы. Меняются качественные характеристики жителей России, во многом определяющие демографический облик и тип страны, в основе которого, лежит возрастной фактор. В возрастной структуре идет процесс снижения удельного веса лиц молодых возрастов и динамика его неумолима: 1959 г. – 35,0 млн; 1970 г. – 37,1 млн; 1989 г. – 36,0 млн; 2002 г. – 32,0 млн чел. В целом доля молодого населения (моложе трудоспособного возраста) снизилась с 29,2 % в 1959 г. до 19,7 % в 2002 г.[8] Этим процессом детерминировано увеличение доли лиц старших и средних возрастов (табл. 3; 4), являющихся основной демографической базой населения старше трудоспособного возраста, находящегося в поле пенсионного воздействия.

Таблица 3

Динамика удельного веса лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения России, Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1959–2000 гг. (%)[9]

Регион	Год			
	1959	1979	1989	2000
РСФСР (РФ)	11,8	16,3	18,5	20,1
Урал	10,3	14,8	17,7	19,2
Западная Сибирь	9,7	13,7	15,4	19,0
Восточная Сибирь	7,3	11,3	13,2	16,1
Дальний Восток	6,3	9,3	10,4	15,6

Сухая, но много говорящая статистика представляет нам далеко не оптимистическую демографическую ситуацию, с которой Россия буквально перевалилась в третье тысячелетие. Вопрос в том, что объективно копившиеся в XX столетии народонаселенческие проблемы переплелись с системными изменениями, образовав некую затухающую демографическую смесь, перерастающую в популяционный кризис, особенно на востоке России, нуждающемся в животворящей человеческой энергии в значительно больших объемах.

Историческая особенность демографических процессов на востоке России заключается в том, что небольшим по численности населением Россия осваивала огромные пространства. Темпы и размеры ее простран-

ственного расширения были несравнимо выше темпов роста наличного населения. Но что в этой связи интересно – других миграционных потоков, сравнимых даже с этими масштабами, граничащие с Сибирью густонаселенные регионы Азии не дали. Чем это объяснить? Особым менталитетом, помноженным на особый, сложившийся в экстремальных условиях физиологический тип россиянина-сибиряка? Нежеланием других народов кочевать с теплого юга в сторону выожную?

Таблица 4

Динамика удельного веса лиц третьего возраста в России и ее восточных районах в 1959–2000 гг. (%)

Регион	Год					
	1959	1970	1979	1989	1995	2000
РСФСР (РФ)	8,9	11,9	13,7	15,4	18,3	19,1
Восточные районы	7,1	8,9	10,0	11,5	13,7	13,5

Зато сегодня за счет этих демографически «свободных» (4,5 чел. на 1 кв. м) пространств плюс «свободных» (малоосвоенных) природных ресурсов (почти треть мировых запасов) наблюдается попытка решить серьезные глобальные демографические проблемы Азии, тем самым коренным образом изменив современную цивилизационную динамику. Надо ли объяснять, как изменится современная геополитическая конфигурация при полном контроле над Азиатской Россией стран азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Статистические данные красноречиво свидетельствуют о весьма контрастной демографической ситуации в Северо-Восточной Азии в конце XX столетия (табл. 5). С пустующим в демографическом отношении российским Дальним Востоком в регионе соседствуют перенаселенные Япония и Южная Корея, плотно населенные Северная Корея и Маньчжурия. И этот дисбаланс увеличивается: численность населения в названных странах неуклонно растет, тогда как у нас идет процесс устойчивого оттока жителей с территории Дальнего Востока в другие регионы, усиливающийся высоким коэффициентом смертности. Известно, что рост численности населения Китая превзошел все оптимистические предположения. Сегодня там уже 1,5 млрд человек – практически критическая отметка для нынешней территории Китая (по расчетам, она должна быть порядка 1,6 млрд человек). Численность избыточной рабочей силы в Китае, по последним оценкам, превышает 250 млн чел. Значит, демографическое давление на южные границы Азиатской России будет все больше нарастать. Поэтому

роста его людности и профилирующие направления его экономического развития. Уже в 1916 г. Новониколаевск получил второе имя – «Сибирский Чикаго», хотя невиданные темпы его развития были еще впереди. В короткий срок он становится четвертым по величине и населению городом после Омска, Томска и Иркутска. В нем в 1917 г. проживало более 70 тыс. человек (см. табл. 6). Несмотря на указанные особенности, еще сильна была у горожан связь с землей и сельскохозяйственными видами деятельности[15].

Основное направление и содержание движения населения в Западной Сибири было тем же, что и по стране в целом, с некоторой региональной спецификой. Оно понесло существенный ущерб и от военных потерь, и от массовых эпидемий, для него так же было характерно снижение показателей воспроизводства. Однако все эти негативные факторы повлекли меньшие, чем в европейских районах страны, издержки[16]. Поэтому преимущественные показатели численности населения Сибири особенно наглядно проявились в 1918–1920 гг., особенно в ее западных районах.

Так, в Алтайской губернии численность населения в 1920 г. по сравнению с 1914 г. увеличилась на 28,7 %, Новониколаевской – Новосибирск, 36,5 %, Томской – на 23,8 %[17]. В дальнейшем край начинает резко оживать с окончанием гражданской войны и введением новой экономической политики. Рост населения составил и в Сибири и в ее западных районах с 1917 по 1926 г. более 10 % (см. табл. 6). Быстрый рост населения Сибири, в том числе и Западной, начался в 1923 г. и продолжался до конца 1920-х гг. Население Западной Сибири возросло на 21 %, в том числе сельское население – на 17 %, а городское – на 49 %[18]. Высокие темпы роста населения на западно-сибирской территории были следствием традиционно большего естественного прироста жителей данного региона за счет повышенной рождаемости и продолжавшегося переселения сюда, которое перекрывало обратный отток населения.

Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась в Западной Сибири и Новосибирской области нарастанием процесса урбанизации, сопровождавшегося механическим приростом городского населения. В Западной Сибири только за 1923–1929 гг. городское население выросло почти на 365 тыс. чел., составив 13,5 % жителей данного региона[19]. Особое воздействие на динамику социально-экономического развития Новосибирской области оказала действующая в эти годы система административно-хозяйственного устройства Сибири. В результате преобразования губернской системы Новосибирск был, как говорится, произведен из капралов в генералы – из уездного города в ранг центра Сибирского края, простиравшегося от Урала до Байкала. Через несколько лет территориальные границы его компетенции уменьшились до Западно-Сибирского края, а затем области в ее современном начертании. Однако административно-управленческие и производственные структуры и механизмы, сложившиеся в Новосибирске в бытность его центром громадных экономических пространств, сработали весьма продуктивно и набрали прогрессивную и длительную инерцию. Положение и прерогативы административно-управленческого центра обязывали и позволяли практиковать своеобразную селекцию при размещении индустриальных новостроек, комплектовании кадров и выборе системы их подготовки и других структур и сфер, по уровню и качеству которых различаются территории и города, стимулируется или тормозится приток мигрантов. Неистребимая отечественная традиция особых прав столичного города на исключительные привилегии, была наиболее полно реализована, когда Новосибирск находился в ранге краевого административно-хозяйственного центра.

В 1930-е гг. факторами, определяюще повлиявшими на демографические процессы, стали форсированная индустриализация и насильственная коллективизация. Снижение реальных доходов населения (введение карточной системы, политика «затягивания поясов» и т. п.), массовые репрессии, началом которых послужило раскулачивание в 1929 г., и затем с завидным постоянством обрушивающиеся на все слои населения страны, создали напряженность в демографической сфере – резкие колебания рождаемости и смертности, породили ряд катаклизмов[20]. Их последствия ощущались долгое время. В сводках Сибкрайисполкома за январь 1932 г. указывалось, что более 50 % колхозов не имеют совершенно продовольственного хлеба, и идет перераспределение семенного фонда на продовольствие. В ряде районов – Барабинском, Ново-Омском, Чистюньском, колхозники массово резали лошадей. После глубокого кризиса 1932–1934 гг. положение стабилизировалось лишь к концу 1930-х гг.[21] Сравнение данных переписей 1926 и 1939 гг. (см. табл. 6) показывает, что население Западной Сибири увеличилось более чем на 20 %, в том числе городское – почти на 19 % при сокращении сельского населения почти на 2 %. Уровень урбанизации в регионе поднялся с 1926 по 1939 г. с 11,9 до 28,0 %. Новосибирская область по данному показателю вышла почти на уровень республиканских – 31,2 и 33,7 % соответственно. К рубежному роковому 1941 г. в городах Западной Сибири была сосредоточена почти треть ее населения[22].

Численность городского населения росла быстрее, подхлестываемая высокими темпами индустриализации в стране, поставившей одной из своих основных задач создание на востоке страны мощного военно-стратегического тыла. Этот процесс сопровождался возникновением новых городов и поселков городского типа. В предвоенные годы в эти разряды были переведены Сузун, Искитим, Тогучин, Алейск, Колывань, Исиль-Куль, Черлакский и др.[23] Таким образом, несмотря на демографические провалы в начале 1930-х гг., предвоенные годы явились периодом, когда численность населения Западной Сибири увеличивалась как в городах, так и в сельской местности. Перед началом Великой Отечественной войны

в регионе проживало почти 9 млн чел., из них около 3 млн – в городских поселениях. В Новосибирской области в это время насчитывалось около 2 млн жителей, или более 20 % их общей численности в западно-сибирском регионе[24].

С началом Великой Отечественной войны, с потерей важнейших экономических центров Советского Союза, Сибирь превращается в важнейший опорный пункт советского военного производства. Здесь на базе эвакуированных заводов и фабрик выросли новые промышленные предприятия, реконструировались старые. Сибирский тыл совместно с Уралом становится, по сути дела, важнейшим стратегическим фронтом страны, главной опорной мастерской которого становится областной центр Новосибирской области г. Новосибирск (подробнее см. гл. III). Стремительное развитие военно-промышленного комплекса обусловило резкое увеличение численности рабочих и служащих, особенно в Западной Сибири. Только за период с 1 октября 1941 г. по 1 января 1944 г. их число в этом регионе выросло более чем на 36 %, обусловив тем самым значительный рост городского населения. Оно за 1941–1945 гг. увеличилось более чем на 30 %[25]. Данный процесс происходил на фоне сокращения жителей сел и деревень. За годы войны Западная Сибирь превратилась в высокоурбанизированный район страны, где к маю 1945 г. в городах было сосредоточено более 40 % жителей региона. Основными центрами были индустриальный Кузбасс, где объем городского населения в общей численности жителей региона в 1945 г. составлял более 66 %, и Новосибирская область, в которой этот показатель составил более 53 %, что во многом было обусловлено ростом численности жителей Новосибирска, которых за военные годы стало больше на 52 %[26]. Рост численности городского населения сопровождался появлением новых городских образований. Появились такие города, как Чесноковка (1942 г.), Болотное (1943 г.), Бердск, Купино (1944 г.), а также поселки городского типа Юрга, Карасук, Маслянино, Кулунда и др.[27]

Численность сельского населения в годы Великой Отечественной войны сократилась во всех районах Западной Сибири, но особенно сильно в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях – ведущих центрах индустриального производства, интенсивно стягивающих рабочую силу из сельских поселений. В целом население Западной Сибири в годы войны пережило демографическую катастрофу. Его численность сократилась более чем на 700 тыс. человек[28]. Новосибирская же область в целом практически сохранила довоенную (1939 г.) численность своих жителей, когда их насчитывалось около 1,8 млн чел. И к 1 мая 1945 г. в области числилось такое же количество жителей[29].

Тяжелейшая война, унесшая десятки миллионов человеческих жизней в нашей стране, на многие годы вперед оказала существенное влияние на ее демографическое развитие. В первое послевоенное пятилетие демографическое развития населения и динамика его численности определялась

такими ключевыми факторами, как компенсаторный рост населения, демобилизация и реэвакуация, особенно существенно сказавшиеся в Западной Сибири[30]. Демобилизация армии, завершившаяся в 1948 г., поставила народному хозяйству края значительные контингенты рабочей силы. В 1945–1946 гг. Кемеровская область приняла более 52 тыс. демобилизованных, Тюменская – более 44 тыс. чел., в Новосибирск в 1946 г. прибыло около 25 тыс. мужчин[31], демобилизованных по первой очереди мобилизации. Все это привело к тому, что во всех районах Западной Сибири произошло заметное повышение численности городского населения. За период с середины 1945 г. по январь 1951 г. численность горожан увеличилась на 17,4 %. Росло и сельское население. Первый послевоенный взлет его пришелся в Новосибирской области на 1947 г., в Алтайском крае и Тюменской области – на 1948 г., в Омской и Томской областях – на 1950 г., в Кемеровской области – на начало 1951 г., после чего начинается устойчивый процесс сокращения сельских жителей[32]. Резко возросшие темпы урбанизации, послевоенная разруха на селе – основные факторы, которые стимулировали данный процесс. И только в дальнейшем эта тенденция была изменена в связи с тем, что с 1954 г. в стране стала проводиться политика, нацеленная на быстрый подъем сельского хозяйства, в том числе знаменитая целинная эпопея. Численность сельского населения начинает увеличиваться, особенно быстрыми темпами в Алтайском крае – центре сибирской целины (95 тыс. чел.), Омской (23,4 тыс. чел.) и Новосибирской (21,6 тыс. чел.) областях. В их колхозах и совхозах оседало примерно 70 % всех переселенцев[33]. Тем не менее кардинально за годы войны соотношение сельских и городских жителей постоянно нарастало. Новосибирская область наряду с Кемеровской были к концу войны наиболее урбанизированными территориями. Уже с 1953 г. в Новосибирской области преобладало городское население, тогда как в целом по Российской Федерации перевес городского населения приходится на 1958/1959 г. Все эти процессы и превращение областного центра – Новосибирска, по сути дела в индустриально-оборонный центр Сибири стимулировали рост населения в регионе, численность которого выросла с 1945 по 1959 г. более чем на полмиллиона человек, или на 53,3 % (см. табл. 6).

В дальнейшем, в 1960-е – начале 1990-х гг., происходил рост населения как в Западной Сибири, так и в Новосибирской области. С 1959 по 1993 г. количество жителей западно-сибирского региона выросло с 11,3 млн до 15,1 млн чел., а в Новосибирской области – с 2,3 млн до 2,8 млн чел. Соответственно увеличение по России составило почти 34 %, а по Новосибирской области – 29 %. И если изменение численности населения данных регионов по тенденциям и факторам, определяющим его динамику, в принципиальных чертах не отличалось от процессов, происходивших в РСФСР, то удельный вес населения Новосибирской области в составе жителей За-

падной Сибири неуклонно снижался. В 1959 г. он составлял 22,3 %, в 1970 г. – 20,7, 1979 г. – 20,5, 1989 г. – 18,7, 1993 г. – 18,5 и в 2002 г. – 17,4 %. Да и темпы прироста населения сибирского края, как и его отдельных регионов, были неравномерны. За подъемом 1950-х гг. последовало трудное десятилетие 1960-х гг., когда темпы роста населения Сибири были ниже, чем в среднем по стране, а в Западной Сибири ниже, чем в РСФСР. А уже в 1970–1980-х гг. рост числа жителей на данных российских территориях превышал среднереспубликанский.

Преимущественный рост приходился на городское население, особенно в зоне нового промышленного освоения. Для Западной Сибири такой зоной в первую очередь являлся западно-сибирский нефтегазовый комплекс. Так, Тюмень дала 36,5 % прироста населения западно-сибирского района в 1959–1970 гг. и 56,0 % в 1970–1980 гг. В целом за тридцатилетие в Тюменской области численность населения выросла почти в три раза, в том числе городских жителей – почти в семь раз. Более низкими, чем по региону и стране, были темпы прироста населения в Алтайском крае (5,2 %), Кемеровской и Новосибирской областях(14,0 %). В эти годы ускоренно происходил процесс урбанизации. Наиболее высокий уровень урбанизации к 1990-м гг. был достигнут в традиционно «городском» Кузбассе (87,4 %) и Тюменской области (76,1 %)[33]. Как видим, Новосибирская область теряет в данной сфере социального развития свои позиции. Напомним, что еще недавно она была второй по этому показателю в Сибири.

В 1990-е гг. тенденции изменения численности населения России в целом и Западной Сибири претерпели существенные изменения. В 1993–1994 гг. впервые в послевоенной истории России была зарегистрирована убыль населения. Это свидетельствовало о вступлении страны в полосу демографического кризиса, характеризующегося резким падением рождаемости, возрастанием смертности и в целом катастрофическим снижением качества жизни. И это при всем том, что на территорию нашей страны только за 1990-е – начало 2000-х гг. переселилось более 6 млн мигрантов из ближнего зарубежья – территорий бывшего Советского Союза. Динамика численности населения (см. табл. 6) наглядно иллюстрирует этот процесс. Весьма интенсивно он происходил на территориях Азиатской России. Здесь появились крупные территориально-административные образования, для которых характерен постоянный отток населения: Алтайский, Красноярский, Хабаровский края, республики Тыва и Саха (Якутия), Магаданская, Камчатская, Читинская области и другие территории. В начале XXI столетия в их состав вошла и Новосибирская область[34].

В конце XX в., оказавшись в новых экономических условиях, она стала катастрофически терять свое былое значение. По оценке специалистов, Новосибирская область в 1990-е гг. стала неуклонно превращаться в «экономического карлика». Либерализация экономики, радикальные изменения в структуре оптовых цен, мгновенно выросших, в первую очередь, на продукцию нефтегазовой промышленности, привели к тому, что доля Новосибирской области в промышленности России сократилась только за 1992 г. с 1,54 до 0,91 %[35]. Этот процесс стал основой расслоения сибирских регионов по уровням развития производства и благосостояния населения. В начале 1990-х гг. реальные доходы сибиряков снизились в 3,5 раза. При этом территориальные соотношения уровней реального дохода в Сибири составляли не менее чем 1 : 3, в котором Новосибирской области было отведено последнее место. Сложилось такое положение, что средний заработок в промышленности составлял в эти годы в области только 82 % от среднереспубликанского уровня, в сельском хозяйстве он был еще ниже[36]. Это сказалось на жизни подавляющего большинства населения района.

Здесь, так же как и в сибирском регионе, и в стране в целом, происходили серьезные изменения в демографической ситуации: снижение роста численности населения при одновременном повышении уровня смертности. За 1959–2002 гг. оно выросло на 300 тыс. чел., что составляло среднегодовую прибавку около 7 тыс. чел., или менее чем полпроцента. Причем количественный рост шел только до 1993 г. Меньшие показатели имели по всей Сибири и Дальнему Востоку только Алтайский край, Сахалинская и Кемеровская области. В 1959–1970 гг. численность жителей области прирастала в среднем ежегодно на 0,80 %, в 1970–1979 гг. – на 0,52 %, в 1979–1989 гг. – на 0,63 %, в 1989–1999 гг. – только на 0,17 %, показатели же 2002 г. по отношению к 1993 г. составили 92,8 %[37]. Наиболее показательным в период роста населения области было увеличение численности городских жителей на 80,94 тыс. чел. В итоге в городских поселениях области проживало к началу 1990-х гг. около 2,1 млн чел. Однако и рост числа городских жителей происходил в основном до начала ельцинских реформ. А с 1989 по 1993 г. их общая численность увеличилась только на 6 тыс. чел. Сельское население сократилось за 1959–1993 гг. на 304,8 тыс. и составило 718 тыс. чел. Следует отметить небольшой рост данной категории населения области в 1990-е гг., что объяснялось не увеличением рождаемости, падением интенсивности переезда жителей села в город и переселением горожан в село[38].

Города Новосибирской области, впрочем, как и многие другие сибирские города, обладали низкой социальной емкостью, т. е. способностью принять дополнительное население, выделить рабочие места, жилье, увеличить мощность сферы услуг и т. д. Ясно, что в новых экономических условиях это стало невозможно. Сокращение производства, рост безработицы (примерно 10–12 % занятого населения не имели возможности регулярно трудиться), обвальное сокращение уровня потребления материальных и жилищных благ вышли на уровень конца 1950 – начала 1960-х гг., что значительно снизило активность миграционных процессов среди трудоспособного населения. Но особенно серьезно все это отразилось на по-

лярных демографических группах – молодежи и пенсионерах. Проведенные нами социологические обследования данных групп населения области в начале 1990-х гг. – в разгар реформ, показали, что только один из 10 молодых людей того времени и один из 20 опрошенных пенсионеров высказались в поддержку реформ. В целом в эти годы, по самооценкам, материальное благосостояние снизилось более чем у 65 % населения области, которые считали его низким и очень низким[39]. Все эти процессы происходили тогда, когда конференция по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. декларировала на весь мир о том, что все государства должны признать, что «в центре внимания находятся люди, которые должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой»[40].

В России же правящие круги в ответ на это, по сути дела, расписывались в беспомощности, заявляя в 1993 г. на конференции в Женеве, что в условиях рыночной экономики правительство России ничего сделать не может, чтобы изменить катастрофическую демографическую ситуацию.

Сегодня, в первом десятилетии XXI в., данные проблемы остаются злободневными. Выше говорилось о геополитическом значении народонаселенческих проблем сибирского региона, который неуклонно становится безлюдным. И по Новосибирской области прогнозы Госкомстата России до 2016 г. убийственны. Положительный миграционный прирост уже не будет компенсировать естественную убыль населения, которого станет меньше на 170 тыс. человек[41]. А падение численности приведет к тому, что снизится спрос на товары и услуги, что в свою очередь ведет к сокращению доходов, количества рабочих мест, к снижению общей деловой активности и налоговой базы. В результате падает уровень жизни в целом. Следствием оказывается ускорение оттока населения, в особенности наиболее активного – молодого. Замкнутый круг!

Примечания

[1] Составлено по: *Ефимкин М. М.* Роль социально-демографического фактора в пространственном расширении России на Восток: итоги и перспективы // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. Новосибирск, 2001. С. 17.

[2] *Ефимкин М. М.* Проблемы Востока России в контексте отечественной и мировой истории // Человек. Труд. Занятость: Науч.-практ. период. изд. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 66.

[3] См.: *Ефимкин М. М.* Роль азиатского демографического пространства России в цивилизационной динамике // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 304.

[4] *Розов Н. С.* Россия и Сибирь в геопространстве XXI века: путь в пропасть или расцвет? // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 152.

[5] Подробнее см.: *Бестужев-Лада И. В.* Выморочность населения России: миф и реальность // Отечественная история. 1996. № 4. С. 116–125.

[6] *Аргументы* и факты. 1996. № 8.

[7] Вестник статистики. 1993. № 6. С. 54.

[8] *Ефимкин М. М.* Роль социально-демографического фактора… С. 16, 18.

[9] См.: *Ефимкин М. М.* Лица третьего возраста в азиатском демографическом пространстве Росси (конец XX века) // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 306, 307.

[10] *Ефимкин М. М.* Роль азиатского демографического пространства России… С. 56.

[11] См. примечания к табл. 1–3; *Новосибирск:* Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 556.

[12] *Ус Л. Б.* Влияние модернизационных процессов на формирование менталитета сибирского горожанина (на примере г. Новониколаевска) // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 64.

[13] *Исупов В. А.* Динамика численности населения Новониколаевска-Новосибирска (1893–1964 гг.) // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995. Ч. 1. С. 10.

[14] *Новосибирск:* Энциклопедия. С. 555.

[15] *Ус Л. Б.* Влияние модернизационных процессов… С. 64.

[16] *Исупов В. А.* Динамика численности населения… С. 11; *Население* Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 22.

[17] *Население* Западной Сибири… С. 22.

[18] Там же. С. 23.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 24, 25.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 27.

[24] Там же; см. табл. 6.

[25] Там же. С. 27.

[26] Там же. С. 28.

[27] Там же. С. 29.

[28] Там же. С. 30.

[29] Там же. С. 31; см. табл. 6.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 32.

привело к тому, что в концепции перспективного развития области стратегические цели и приоритеты ориентированы на развитие крупного транспортного узла в системе транснациональных транспортных коридоров, а также торгово-посреднического, финансового, коммуникативного административного (Сибирский федеральный округ), научно-образовательного и культурного центра, центра рыночных услуг в сфере медицины, различных видов бизнеса. Однако все это не может предотвратить проведения «масштабной структурной перестройки» индустриального сектора экономики области[3].

Примечания

[1] *История* промышленности Новосибирска. Начало (1893–1917). Новосибирск, 2004. Т. 1. С. 642.

[2] Там же. С. 653.

[3] *Экономика* Сибири: субъекты федерации. Новосибирск, 1999. С. 93.

ОГЛАВЛЕНИЕ